

УНИФИКАЦИЯ ТИПОВ СКЛОНЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ
(ФРАГМЕНТ ТЕОРИИ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ МОРФОЛОГИИ)

Сергей Вовк

Наука движется толчками, в зависимости от прогресса в ее методах (И. П. Павлов).

Перегруппировка типов склонения, унаследованных из праславянского, относится к традиционной проблематике исследований по исторической грамматике русского и других славянских языков. Одним из ее хрестоматийных положений является тезис о влиянии древнего склонения основ на -ŭ на старый тип склонения основ на -ŏ/jŏ. Это влияние усматривается в появлении по аналогии у имен существительных мужского рода бывшего ŏ-склонения в родительном, дательном и местном падежах единственного числа, а также в именительном и родительном падежах множественного числа, окончаний, присущих склонению на -ŭ. Представленное уже в древнейших памятниках славянского письма, это явление считалось настолько прозрачным, что его обсуждение сводилось, как правило, к описанию конкретных случаев и практически не затрагивало общих методологических принципов. Однако, при всей своей очевидности данный факт оставляет открытым ряд вопросов, многие из которых до сих пор даже не ставились. Прежде всего остается не ясным, что представляет собой сам процесс влияния одного склонения на другое, в чем заключается внутренняя сущность подобного влияния? Как правило, исследователи не задаются вопросом о том, почему влияние ограничивалось только вышеназванными формами и не было идентичным для разных падежей, почему флексия родительного и местного ед. ч. -у не проникала дальше имен неодушевленных, что кроется за распространением и последующим исчезновением в русском языке форм дательного ед. ч. на

-ови и именительного мн. ч. на -ове и т. д. Данная статья ставит целью найти ответ на эти и другие вопросы, который лежит, как представляется автору, прежде всего в области методологии исследования исторических процессов в языке.

1. Слависты старших поколений, представители классического сравнительно-исторического метода, оставили нам образцы строгой процедуры исследования истории каждой отдельно взятой флексии, выводя последнюю, как правило, фонетически или же путем аналогического развития из предшествующего состояния языка. Этот принцип “выведения” флексий широко представлен в работах А. Потевни, Ф. Фортунатова, А. Шахматова, В. Поржезинского, А. Мейе и других. В частности к морфологическим штудиям лингвистов фортунатовской школы равно приложимо полемическое высказывание Г. Ильинского:

Чтобы объяснить загадочное явление в истории языка Московской школа обыкновенно не останавливается ни перед какими самыми смелыми и сложными конструкциями, лишь бы... представить его в конечном итоге как результат более или менее длительного ряда фонетических процессов: для этой цели с легким сердцем придумываются никогда не существовавшие переходные звуки, открываются, иногда целыми десятками, новые фонетические законы, восстанавливаются празвуки, которых язык никогда не знал, изобретаются самые хитрые звуковые комбинации (Ильинский 1916: 393).

Если же по какой-либо причине на месте ожидаемой, фонетически закономерной флексии оказывается иная, ее появление относили за счет *незакономерных* исторических процессов, чаще всего известных под общим определением — аналогия. Под аналогией понимались весьма разнородные по своему характеру процессы: перенос окончаний из одного типа склонения в другой, взаимовлияние типов склонений на основе родовой соотнесенности, выравнивание основ и подобное. Сравните, характерное высказывание А. Потевни:

Представленное нами течение языка в одну сторону выражает собой закон аналогии, ассимиляции старых форм позднейшими. В формальном отношении он производит (в) языке то же, что звуковые законы (сокращения, ассимиляции и стяжения) в фонетическом (Потевня 1968: 8).

Понятие аналогии получило свое теоретическое обоснование в трудах младограмматиков, прежде всего Г. Пауля. Отношение между фонетическими законами и аналогией понималось следующим образом: "...звуковое изменение основано на перемене в произведении звука и проявляется везде при одинаковом стечении звуков; аналогия же, напротив, влечет за собой замену старой формы новообразованной" (Пауль 1960: 132), — грамматическая аналогия противостоит ненужным различиям, привносимым действием фонетических законов, нарушающих симметрию и целесообразность системы форм. По Бругману и Остгофу "к аналогии следует прибегать только тогда, когда нас принуждают к этому звуковые законы. Ассоциация форм является и для нас последним прибежищем" (Brugmann 1904). Таким образом, все, что не поддавалось объяснению как результат действия фонетических законов, относилось к сфере действия аналогии. В тот период введение понятия аналогия обеспечило прогресс сравнительно-исторического метода в объяснении фактов морфологии, противоречащих фонетическим законам. Слабым местом проявлений аналогии в сравнении со строгостью любого фонетического закона были ее "стихийность" и непредсказуемость причин и результатов изменений.

В числе первых, кто широко применил принцип аналогии для объяснения языковых изменений был И. А. Бодуэн де Куртенэ. О большом внимании Бодуэна к аналогии свидетельствует тот факт, что в *Подробной программе лекций в 1876-77 учебном году* (для Казанского университета) в отделе "Б. Морфология", им выделен специальный раздел "VI. Аналогия". Аналогия определяется здесь "как сила, действующая в языке вопреки преданию и звуковым законам" (Бодуэн де Куртенэ 1963: 98-99). Среди факторов аналогии Бодуэном выделяются: 1) фонетические, 2) синтаксические, 3) исключительно морфологические; постулируются причины (поводы) обуславливающие действие аналогии (вызывающие влияние аналогии), коими бывают: "1) перенос чутья тождества форм над их внешним разнообразием и над звуковыми законами, 2) забвение первоначальной функции (значения) известной формы, 3) стремление к выразительности форм, 4) стремление к упрощению форм и т. д." (1963: 98-99). Особый интерес представляет положение Бодуэна о разных направлениях, в которых действует сила аналогии: "1) внешнее, при котором вместо

одной формы появляется другая с тем же точно значением; 2) внутреннее: известная форма остается неизменною, но получает другое значение, толкуется иначе. Переход в чутье другой категории” (1963: 98-99). Другую свою работу, целиком посвященную действию фактора аналогии в польском склонении (Baudouin 1974), Бодуэн завершает важными методологическими положениями: 1) о наличии у каждого падежа имени существительного *in potentia* всех окончаний, живущих в языке для выражения отношений, отвечающих этому падежу, и 2) о том, что деятельность аналогии возможна только при наличии надежных смежных точек и переходов от одной категории слов к другой (Baudouin 1974: 247). В этих суждениях недвусмысленно указывается на роль фактора системности в морфологических изменениях. Рассматривая вопрос о соотношении звуковых законов и аналогии, Бодуэн вместо выдвинутого младограмматиками положения об их противоборстве предложил идею взаимодействия фонетических изменений и аналогии (Бодуэн 1963: 96).

Данное положение Бодуэна, уравнившего в правах аналогию со звуковыми законами, получило свое дальнейшее развитие в трудах его учеников – Н. Крушевского (1879) и, особенно, В. Богородицкого, последний из которых указывал, что “процессы аналогии в языке так же закономерны, как и процессы фонетические” (Богородицкий 1895: 224). Богородицкий поставил и вопрос об изучении закономерностей действия аналогии в том или ином направлении (Богородицкий 1917: 154). Решающим для направления аналогии он считал взаимодействие фонетических и морфологических факторов (Богородицкий 1895: 224).

Развитие учения В. Богородицкого о внутренней и внешней аналогии нашло свое конкретное воплощение на славянском материале в *Праславянской грамматике* Г. Ильинского (1916), где, в частности, подробно рассмотрены процессы взаимодействия именного и местоименного склонений.

В послевоенные годы к вопросам внутренней и внешней аналогии в связи с процессами морфологических изменений обращались Л. Булаховский в серии работ о грамматической аналогии и родственных явлениях (Булаховский 1952) и В. Жирмунский в статье *Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии* (1964, № 6), а из зарубежных исследователей — Е. Курилович (Kuryłowicz 1958).

Параллельно с развитием идей о структуре процессов аналогии становится ясно, что действие фактора аналогии в исторической морфологии является не исключением, а, скорее, правилом, что, следуя Д. Ушакову, “по существу, история склонения — это сплошной пример грамматической аналогии; вся наша задача в том и состоит, чтобы вскрыть ее действие и дать ему надлежащее объяснение” (Цит. по: Якобсон 1985). Развитие данного положения можно найти у П. Кузнецова:

Под аналогией понимается *непосредственная причина* замены одного структурного средства другим в результате близости и даже тождества грамматических значений, выражаемых первым и вторым средством. Результатом действия аналогии является, например, преобразование формы дат. п. мн. ч. *столом(ъ)* в современную форму *столам...* Аналогия — один из *основных факторов* преобразования морфологического строя языка, в ней проявляется обобщающая работа человеческого мышления, результатом которой является усиливающаяся тенденция выражать подобное значение одними и теми же средствами (Борковский, Кузнецов 1963:179).

Однако, попытки вскрыть действие аналогии не привели ученых к установлению “морфологических законов” для морфологии. И в то время как поиски причин и механизма языковых изменений для фонетики создали понятие “фонетических законов”, в морфологии продолжало господствовать представление о закономерном отступлении от законов, о закономерности аномалий и исключений, определяемых как аналогия. Наиболее категорично высказался по этому поводу В. Кипарский:

Аналогическое изменение отличается от фонетического изменения только полным своеволием своего осуществления; оно является тем, что современные американские структуралисты называют “непредсказуемо” (*unpredictable*) (Kiparsky 1967:15).

В одной из последних по времени работ немецкий ученый К. Редел-Каппл, хотя и опирается на взгляды Е. Куриловича и использует его формулы аналогических воздействий для исследования случаев языкового развития двух родственных языков: русского и польского, высказывает в итоге скептическое отношение к формулированию в области аналогии строгих правил и закономерностей. Прогнозирование в язы-

ковых процессах объявляется несбыточным делом (Rödel-Karpl 1984: 121).

Разрешение противоречия между строгостью “фонетических” законов и произвольностью “морфологических” было возможно только на путях признания того, что изменения в морфологии так же закономерны и предсказуемы, как и в фонологии, и что в морфологии “нет места аналогии” (Mareš 1963), как ее понимали предшественники.

Новым, принципиально важным шагом, который сделал В. Георгиев, было перенесение решения задач исторической морфологии из фонетики в собственно морфологию, отказ от постулирования специфических законов конца слова. Согласно В. Георгиеву, “утверждения, что основная непосредственная причина изменений в морфологической системе языка — это аналогия, ошибочно. Наличие “аналогичных” морфем отнюдь не фактор для замены одного окончания другим: это только подходящий материал (ассоциативная связь), имеющийся в распоряжении при изменениях в морфологической структуре, совершающихся под воздействием разных других факторов. Эти факторы могут быть смысловыми (семантическими), синтаксическими, морфоструктуральными, парадигматическими, фонематическими; изменения могут быть следствием языкового взаимодействия (субстрат, суперстрат, адстрат) или “стремления к экономии”. Это хорошо видно из факта, что термином “аналогия” нельзя определить, почему, например, в русском *столом(ъ)* стало *столам*, а не наоборот *рукам(ъ)* → **руком*, также как в сербохорватском тв. ед. ж.р. изменился в *руком* с -ом, как народом (м. р.)” (Георгиев 1969: 30). Основные причины морфологических изменений — “структурные” (Георгиев 1969: 31). Так же неверно, по В. Георгиеву, и утверждение о непредсказуемости изменений в области морфологической структуры в противоположность фонематическим изменениям. Он утверждает, что нет никакой существенной разницы относительно “предсказуемости” в случаях как, например, изменение старорусского *(стол)омъ* в совр. рус. *(стол)ам* и старорус. *А* → совр. рус. *я*, 'а. “Морфологическое изменение не есть ‘полностью своевольным’, а совершается по определенным законам, которые к сожалению до сих пор еще не были достаточно хорошо изучены” (Георгиев 1969: 31). Одной из главных причин изменений в системе флексий, согласно В. Георгиеву, является следующая:

При своем действии фонематические законы часто приводят к омонимии флексийных морфем. В морфологической структуре данного языка есть терпимые (допустимые) и нетерпимые (недопустимые) омонимии. Недопустимая омонимия нейтрализуется путем “саморегуляции” системы, путем перенесения окончаний из одного сходного типа склонения в другой. Окончания переносятся чаще всего, если между соответствующими падежными формами есть какая-либо ассоциативная связь, например, идентичная функция. Окончания могут переноситься редко и на основе парадигматического изоморфизма. Сохранение или замена данной флексийной морфемы определяется обычно принципом частотности (Георгиев 1969: 33).

Теория В. Георгиева, представляя собой большой и важный шаг в сторону признания “закономерности” морфологических процессов, не смогла однако преодолеть атомизма в исследовании этих процессов, показать динамику морфологической структуры, так как исследователь исходит из своей (панхронической) схемы морфологических законов, жестко налагаемой им на языковой материал, а не из отношений, существующих внутри самой системы, определяемых структурой ее оппозиций.

Результатом эволюции предшествующих идей и понятий исторической морфологии предстает теория диахронической морфологии В. Журавлева, обосновавшего необходимость восстанавливать историю системы в целом, а не одной какой-либо флексии. Основы этой теории определили идеи лингвистов фортуноватовской школы, завещавших обратить внимание на проблему падежного синкретизма, на упразднение различия между падежными флексиями и на порядок подобных упразднений (Durnovo 1922), т. е. на нейтрализацию морфологических оппозиций.

Суть теории диахронической морфологии заключается в перенесении акцента исследования с субстанции на структуру, в выдвижении на первый план постулата системности исторических процессов. Минимальным базовым элементом языковой системы становится оппозиция (Журавлев 1976, 1991).

Теория оппозиций, разработанная впервые на материале фонологии (Трубецкой 1936), вскоре (1936 г.) была перенесена и в морфологию (Якобсон 1962), но разрабатывалась там главным образом лишь в синхронии.

Фонология как теория звуковых противопоставлений и морфология как теория формальных противопоставлений представляют собой две отрасли одной и той же науки, которая должна исследовать противопоставления лингвистических значимостей. Причем, все отрасли этой науки *должны применять одинаковые методы исследования* (Troubetzkoy 1937: 151).

Следуя ему, теория диахронической морфологии восприняла из фонологии, кроме фундаментальных понятий оппозиция/нейтрализация, положение Е. Поливанова о “конвергентно-дивергентных процессах” как двух основных типах “звуковых изменений” (Поливанов 1968) и общую формулу фонологических мутаций Р. О. Якобсона: $A_1 : B_1 \rightarrow A_2 : B_2$ (Jacobson 1962). Формула Якобсона, в соответствии с билатеральностью морфологического знака, приобретает следующий вид:

$$\frac{a_1 : b_1}{A_1 : B_1} \rightarrow \frac{a_2 : b_2}{A_2 : B_2},$$

где a, b — единицы плана содержания, а A, B — единицы плана выражения. Причем, оппозиции единиц плана выражения и плана содержания относительно автономны, что проявляется в возможности как трансморфологизации единиц плана выражения при сохранении прежней семантической оппозиции, так и транссемантизации единиц плана содержания в рамках прежней оппозиции единиц плана выражения (ср. Бодуэн 1963: 99). Однако, преобразования единиц плана выражения играют в диахронических процессах ведущую роль (Журавлев, Мажюлис 1978).

Важным следствием из положения о “конвергентно-дивергентных процессах” является вывод о взаимозависимости динамики морфологических оппозиций: если в процессе развития какая-либо оппозиция усиливается, то смежная родственная оппозиция ослабевает, проходя при этом через этап синхронной нейтрализации, идущей от позиции к позиции (Журавлев 1976).

2. История именного склонения древнерусского языка представляет собой таким образом историю динамики морфологических оппозиций и их корреляций.

Древнерусский язык унаследовал от праславянского языка ту систему склонения имен, которая сложилась еще в индоевропейский период. Суть этой системы заключалась в том, что по отношению к склонению все имена были разбиты на ряд классов в зависимости от тематического оформления основы, причем каждый класс имел свои особенности и в склонении. Принципы классификации имен, легшие в основу типов склонения в индоевропейском языке, в лингвистической литературе еще и в настоящее время удовлетворительно не обоснованы. Ясно только, что в основе первоначального деления имен на классы должен был лежать какой-то семантический признак, формой выражения которого и служили разные типы основ склонения. По-видимому, уже в позднем праиндоевропейском языке семантические основания этого деления были забыты, а вид древних основ претерпел известные изменения.

Большая часть индоевропейских основ была унаследована и общеславянским языком, но здесь поглощение основы падежными окончаниями было проведено еще резже. Для говорящих древний вид большей части основ был затемнен окончательно, а это имело большое значение в истории форм склонения... Разные типы склонений общеславянского языка могут быть объяснены только из отношений общеиндоевропейской эпохи (Шахматов 1957).

Или как выносит приговор С. Бернштейн:

Изучение древних основообразующих элементов имени относится только к сравнительной грамматике индоевропейских языков. В сравнительной грамматике славянских языков такой проблемы нет (Бернштейн 1969:18).

В *Очерках морфологии праславянского языка* (1961) П. Кузнецовым отмечается “детерминативы, которыми определялись различные именные типы, послужившие основой для образования различных склонений, на протяжении развития общеславянобалтийского языка и даже в ранний период развития общеславянского языка выступали довольно отчетливо с точки зрения их выделения в морфологической структуре слова. Но в то же время они вряд ли продолжали характеризоваться той же отчетливостью в семантическом отношении”. Для древнерусского языка, им же указывается, что “при классификации основ принимается во внимание тот вид основы, который был ей свойствен не в эпоху древнейших

памятников, а в ранний период праславянского языка или даже в период перед образованием праславянского языка” и далее “первоначальные основания семантического объединения тех или иных имен были уже забыты” (Борковский, Кузнецов 1963). Таким образом, можно сделать вывод, что уже для праславянского периода оппозиции по типу склонения были оппозициями с нейтрализованным планом содержания (с/А:В), что создавало возможность их дальнейшей эволюции как в сторону поиска новой семантической оппозиции, так и в сторону конвергенции единиц плана выражения, т. е. перестройки типов склонения. И действительно, семантическая опустошенность морфем — детерминативов типов склонения актуализировала закон И. Бодуэна де Куртенэ “о перерасложении основы в пользу окончания”, результатом действия которого явилось слияние темы с окончанием и разрушение зависимости типа склонения от типа основы.

Первоначальные деklinационные группы преобразовались, перестали быть разными типами основ гласных и согласных, но сохранились все же как особые типы склонений, с характерной для каждого из них системой падежных окончаний и с характерной для каждого из них группой слов, склоняющихся по этому типу (Якубинский 1953).

Кроме того, фонологические процессы праславянского периода (закон открытых слогов и падение конечных согласных, монофтонгизация дифтонгических сочетаний) стерли или значительно затемнили общеиндоевропейские падежные окончания.

Отмеченные выше процессы привели к “возможности влияния друг на друга различных типов склонений, причем отдельные окончания могли переходить из одного типа склонения в другой” (Якубинский 1953). Допустимость данного перехода определяется тем фактом, что изосемантические морфемы горизонтального ряда, т. е. падежные окончания, присущие разным типам склонения, представляют собой в сущности алломорфы “общей” падежной флексии, находящиеся в состоянии дополнительной дистрибуции. И естественно, что исчезновение позиционной обусловленности варьирования алломорфов ведет к их взаимозаменяемости, конечным результатом которой будет унификация там, где это допускается системой, где не происходит потери “полезного противопоставления”.

Таким образом то, что традиционно понималось под “аналогией” представляет собой взаимозамещение, взаимодействие алломорфов, их унификацию, сокращение вариативности в системе, т. е. в конечном итоге процесс конвергенции изо-семантических морфем горизонтальных рядов парадигмы. Направленность же процессов аналогии (=конвергенции) всецело зависит от динамики оппозиций в системе.

Вышеназванный процесс начался уже в праславянском языке, в котором замечается отсутствие строгого разграничения между основами в склонении имен (Шахматов 1957). Ко времени древнейших письменных памятников древнерусского языка “наиболее чисто сохранилось склонение на -ā, в основах на -ǫ с предшествующей мягкостью согласной звательный падеж получил окончание -ū, заимствованное из основ на -ǫ: kop'ū, диалектически в основах на -ǫ обнаруживается в творительном единственного окончание -ъмь, также из основ на -ǫ (ср. в старославянском языке еще исконное -омь — С. В.). Основы на -ǫ уже в общеславянском могли переходить отдельными падежами в основы на -ǫ, сравните, например, винительный и родительный syna” (Шахматов 1957). Таким образом, говоря о начавшемся взаимодействии типов склонений -ǫ и -ǫ А. Шахматов отмечает две позиции нейтрализации единиц плана выражения: инструменталь единственного числа и вокатив единственного числа мягкой разновидности. Что же касается окончаний номинатива и аккузатива единственного числа мужского рода склонения на -ǫ (-ъ), то он предлагает для объяснения происхождения этих окончаний особый закон “конца слова”, согласно которому происходило сужение гласной o > -ǫ (>ъ) перед конечной согласной s/m еще в общеславянский период. Отсутствие же подобного сужения у слов среднего рода того же типа склонения объясняется им аналогией (влияние местоимения среднего рода to < tod). Налицо явное противоречие. Согласно фонетическим законам праславянского языка в номинативе и аккузативе имен мужского рода склонения на -ǫ должно быть представлено исконное окончание -ǫ, как и у имен среднего рода. На это впервые обратил внимание В. Георгиев, предположивший, что окончание -ъ в именах склонения на -ǫ заимствовано из основ на -ǫ (Георгиев 1969), правда, не раскрыв причин подобного переноса. И действительно, номинатив и аккузатив имен мужского рода были первыми позициями

нейтрализации склонений старых *-ǫ* и *-ǫ*-основ (ср. у Якубинского: “Поводом к смешению этих двух типов склонения послужило совпадение форм им. и вин. падежей мужского рода”). Это обусловлено тем, что тенденция к согласованию в атрибутивной синтагме привела к актуализации родовых оппозиций. (Категория рода в индоевропейском строе языка является относительно новой категорией — Мейе 1938), в связи с чем мы не найдем уже в старославянском (и древнерусском) прилагательных основ на *-ǫ* и только единичные прилагательные основ на *-ī*; причем прилагательные основ на *-ǫ* перешли в другие основы не путем изменения типа основы, а путем наращения суффикса *-k-*, который мог переводить прилагательное в любой род (и в дальнейшей истории русского и украинского языков можно найти примеры, когда этот суффикс переводил имена в другие типы склонения — укр. дочка, рус. морковка): ср. рус. сладкий и лит. *saldus* (Дурново 1924). Единственным типом склонения, в котором мужской род не был нейтрализован с другими родами (ср. *ī*-основы *m x f*, *ǫ*-основы *m x n*) был тип склонения на *-ǫ*. В результате процесса переноса окончаний номинатива и аккузатива из этого типа склонения в имена мужского рода склонения на *-ǫ* произошло усиление оппозиции мужской род: средний род и ослабление оппозиции *ǫ*-основы: *ǫ*-основы. В связи с этим фактом должно быть рассмотрено и окончание *-o* в украинском языке в словах мужского рода типа *тато*, *дідо* (в говорах — *бадьо*, *неньо*, *дєдьо*) и суффиксальных на *-ко* (*батько*, *соловейко*), *-исько* (*хлопчисько*), *-енко* (*Шевченко*), *-ло* (*Самійло*), *-но* (*Дахно*), *-ро* (*Дніпро*), известное издавна, засвидетельствованное в древнерусских памятниках и особенно широко использовавшееся в староукраинском языке (такие имена известны и другим славянским, но в украинском языке они имеют наибольшее распространение). Появление этого окончания объяснялось по-разному. Одни считали их результатом аналогии с вокативом на *-o* имен мужского рода старых *ā*-основ типа *воеводо*, *Кузьмо* (А. Шахматов, Л. Якубинский, В. Марков), другие (В. Шимановский, В. Симович) объясняли эти формы эвфонией. По-видимому, здесь все же мы имеем сохранение исконной флексии *-o* номинатива старых *ǫ*-основ, общей с флексией *-o* среднего рода (ср. Самійленко 1964). В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что в Новгородских берестяных грамотах имена

мужского рода развили номинатив на -е, усилив т. о. ту же оппозицию мужской: средний.

Что касается раннего проникновения окончания -ъмь инструменталя основ на -ѣ в основы на -ѣ, то оно объяснимо, если вспомнить о тесной корреляции этого окончания с категорией рода. Для того, чтобы правильно судить о форме творительного падежа надо помнить, что она имеет местоименное происхождение, т. е. была перенесена в каждый тип склонения в соответствии с родовой принадлежностью: -тъ (м. и ср. р.), -јѹ (ж. р.), поэтому различие между склонением на -ѣ и склонением на -ѣ в старославянском и отсутствие оногo в древнерусском может быть объяснено разновременностью этого процесса в двух языках.

И все же говорить о том, что система типов склонения древнерусского языка обязана своей перестройкой тенденции к однозначному соответствию рода и типа склонения представляется не совсем корректным. Так, в современном русском языке только для имен типа *мышь* можно утверждать справедливость этого положения. В остальных же типах склонения оказываются нейтрализованными мужской и средний род или мужской и женский род. Даже такое “диагностическое” окончание, как окончание -ой (-ю) инструменталя единственного числа женского рода, используется и в именах мужского рода типа *староста* (ср. в словацком, где имена данного типа имеют “мужское” окончание -от в данном падеже, сохраняя в остальных падежах окончания “женского” склонения на -а, а также встретившееся в НГБ: с Офонаско^М 496 (XV₁)). Если же обратиться к склонению имен во множественном числе, то там сложился единый тип склонения, не связанный с категорией рода, такой же как в местоименном склонении. Дело в том, что родовая корреляция важная для синтаксиса не смогла преодолеть силу оппозиции между определенными типами склонения на уровне морфологии. Там, где сила оппозиции между типами склонения оказалась меньшей, произошла конвергенция склонений (-јѣ х -ї м. р., различавшиеся в единственном числе в 3-х случаях из 7-и); там же, где сила оппозиции была большей конвергенции не произошло (-јѣ: -ї ж. р., различавшиеся в единственном числе в 5-и случаях). Вот почему вопреки общему положению исторических грамматик русского языка о перестройке именного склонения на основе категории рода, в нем сохраняется два

женских склонения (жена, земля: мышь).

Дальнейшая конвергенция типов склонения старых δ х $\dot{\text{y}}$ -основ привела к исчезновению склонения на $\dot{\text{y}}$ как самостоятельного типа. Однако, его исчезновение не прошло бесследно. Речь идет о т. наз. влиянии склонения на $\dot{\text{y}}$ на склонение на δ , выразившемся в проникновении в последнее флексий -у родительного и местного падежей и флексии -ови дательного падежа единственного числа склонения на $\dot{\text{y}}$.¹

Как известно, при конвергенции в позиции нейтрализации выступает немаркированный член нейтрализуемой оппозиции (в данном случае окончания склонения на δ как более частотные — ср. сына, вола — генитив бывших основ на $\dot{\text{y}}$), но может выступать и маркированный, что мы и находим в древнейших памятниках (наиболее широко в Супрасльском кодексе). Ср. (Vaillant 1964; Мирчев 1972) -оу вместо -а в генитиве δ -основ: гласоу , дѣгоу , родоу , глагоу и др.; -оу вместо -ѣ в локативе: гразмоу , дѣбоу , мироу и др.; -ови/-ѣви вместо -оу в дативе: доухоуви , иродоуви , пилатоуви , симоноуви , моствоуви , исоусоуви , израилеуви , кесареуви , винареуви , адоуви , мироуви , мореуви ; -ове вместо -и в номинативе мн. ч.: доухове , садове , сѣдове . Однако, все исследователи подчеркивают (см. Vaillant 1964; Unbegaun 1935; Мейе 1938; Мирчев 1972), что даже в основах на $\dot{\text{y}}$ преобладают флексии δ -склонения.

Памятники древнерусского периода отражают определенную ситуацию в распределении исконных и новых окончаний, сложившуюся по типам лексем. Так в Новгородских грамотах на бересте у существительных бывшего $\dot{\text{y}}$ -склонения в Р. ед. последовательно представлена флексия -у : полоу 246 (XI), бес полоу 631 (XII₁), безъ полоу 609 (XII-XIII), медоу 605 (XII₁), мьду 61 (сер. XIII), медѣ 409 (XIII-XIV), меду 136 (XIV); дарѣ 215 (XIII₂), 2 (кон. XIV), 1 (XIV-XV, 8х), дару 136 (XIV); солоду 136 (XIV), 1, 363 (XIV-XV); промежи радоу 131 (кон. XIV); за исключением слова *сынѣ*, в генитиве которого встречается только новая флексия -а : у сына 348 (XIII₂), сына 42 (кон. XIV), сна Пск.4 (XIV₁), 128 (кон. XIV), 28, 249 (XIV-XV, 4х), 692 (XV₁), 298 (сер. XV, 3х), сна 298. В бывшем δ -склонении в ранних

¹ За рамками статьи мы вынужденно оставляем рассмотрение вопроса о процессах взаимодействия этих типов склонения в Т. ед. и во мн. ч., как мотивируемых другими причинами.

грамотах (XI-начало XIII в.) абсолютно преобладает Р. ед. на -а: века 503 (XII₁), скота 422 (сер. XII), 550 (XII₂, 2х), ѡ гласа 674 (XII₂), з(оло)тника 707 (XII₂), сѣща 456 (кон. XII), тьмѣана 660 (кон. XII), товара 624 (XII₂), 107 (XII-XIII), живо(т)а 652 (XII-XIII), заклада 531 (XII-XIII), овеса 219 (XII-XIII), овьса 219, сьръцька 223 (XII-XIII) и др. В названиях веществ и абстрактных понятий имеются примеры с генитивом на -у: бобоу 700 (XII₂), ѡ пожарѣ 710 (XII₂), воскоу 439 (XII-XIII), из долгоу 510 (XII-XIII), наемоу 609 (XII-XIII). Для поздних грамот в этих же семантических группах отмечается незначительная экспансия флексии -у: горохѣ 220 (XIII₂), хамоу, шолку 288 (XIV₁), лену 136 (XIV), ни ловоу 131 (кон. XIV), до виду 521 (XIV-XV), водмолу 130 (XIV-XV), осььку 129 (XIV-XV), суду 14 (XV₁); при сохранении окончанием -а его ведущей роли: погона 295 (XIII₁), со иксоса 211 (XIII₂), хомела 706, 709 (XIII₂), бе сорома 394 (кон. XIII), овса 482 (кон. XIII), 320 (нач. XIV, 5х), 689 (XIV₂, 3х), 162 (XV₁), наима 191 (нач. XIV), Пск. 7, прибытка 414 (сер. XIV), без роуба 99 (сер. XIV), овиса 50 (XIV₂), ѡвса 271 (XIV₂, 2х), "бирка" 2 (XIV-XV), пуха 263 (XIV₂), дха 369 (кон. XIV), 692 (нач. XV), живота 42 (кон. XIV), 135 (XV), изо нама 124 (XIV-XV), остатка 519 (XIV-XV), позема 1 (XIV-XV, 4х), свѣта 305 (XIV-XV), 692 (нач. XV), товара 249 (XIV-XV, 2х), хлѣба 352 (XIV-XV), ни луба Ст. Р.2 (нач. XV), ѡв(ь)са 299 (XV₁), вѣка 382 (XV, 2х), провоза Твер. 2. Отмечены единичные примеры с флексией -у в топонимах: у Мосту Ст. Р. 2 (нач. XV), до Торжеку Твер. 2. В именах одушевленных новое окончание (39 примеров для имен нарицательных и 281 для имен собственных) не встретилось ни разу, если не считать формы: у Хоцу у сына его 348 (XIII₂), о которой сами публикаторы говорят как о вероятной ошибке (Янин, Зализняк1986).

Формы М. ед. существительных бывшего ѣ-склонения в грамотах пока не представлены, что не позволяет делать никаких определенных заключений о степени верности старым флексиям. У существительных бывшего ѓ-склонения представлено окончание -ѣ или его графические замены: Пльскове 109 (XI-XII), Кыеве 524 (сер. XII), Кыевѣ 675 (XII₂), в городѣ 657 (XII₂), в братни долгѣ 235 (XII₂-кон. XII), при ветре 233 (XII-XIII), на овсе 609 (XII-XIII), въ погрѣбѣ 296 (XII-XIII), сѣде 213 (XIII₂), в подклѣть 411 (кон. XIII), во Торожеке 346 (кон. XIII), во мирѣ 419 (XIII-XIV), шюрине 92 (сер. XIV), во годѣ 271 (XIV₂), в городи 490 (XIV₂), на завалѣ 697 (XIV₂), оу подоклѣти 275

(XIV₂), животе 622 (кон. XIV), на замкѣ 179 (кон. XIV), в городѣ 131 (кон. XIV), 520 (XIV-XV), животѣ 42 (кон. XIV), 519 (XIV-XV), 692 (нач. XV), в потклѣтѣ 363 (XIV-XV), на судѣ 25 (XIV-XV), на сѣньникѣ 363 (XIV-XV), на дорѣ 610 (XIV-XV), 18 (XV₁), во дворѣ 466 (XV₁), в животѣ 49 (XV₁), о позъвѣ 122 (XV₁), во потклѣтѣ 40 (XV₁), на погостѣ, на торгѣ 154 (XV₁). Количество приведенных примеров можно увеличить за счет одушевленных существительных (8 имен нарицательных и 41 имя собственное). Флексия -у встретилась только в “на хомолу” 575 (XIII₂) и в двух топонимах: на Бору 521 (XIV-XV), во Торжеку Твер. 2. В этой последней поздней грамоте представлен и генитив на -у того же топонима (см. выше).

Окончание Д. ед. существительных бывшего ѥ-склонения -ови засвидетельствовано в единственном примере, относящемся к середине - второй половине XIV в.: синови 406 (там же - сину), тогда как новое окончание -у известно уже в XII веке: по полоу гривнѣ 335 (XII₂). Другие примеры со словом сынѣ имеют только новое окончание: сну 535 (XIV₂), къ сну 125 (XIV-XV), к сину Ст. Р. 2, синю 301, сну 352 (все XV₁). Напротив, у существительных бывшего ѡ-склонения флексия -ови представлена в самых ранних грамотах: къ Стоанови 246 (XI), моужеви 109 (XI-XII), Несѣдицеви 238 (XI-XII), Рагоулови 427 (XI-XII), къ от(ь)чеви 424 (нач. XII), къ Вльчькови, къ Рожьнѣтови 336 (нач. XII), но только у имен собственных и терминов родства, наряду с менее численными формами с -у: Нестьруо 120 (XI-XII), Жъданж, Стьпаньцю 241 (XII₁), ко Завидѣ 644 (нач. XII). В прочих ранних грамотах у названных групп имен эта флексия хотя и продолжает употребляться, но уже раз в пять реже, чем исконная -у. Ср. къ Василеви Ст. Р. 15 (XII₁), къ Вышькови 525 (XII₁), къ Грецинови, Двѣвѣ 603 (XII₂), Матьеви 550 (XII₂), Михальви 682 (XII₂), къ Васильви 9 (кон. XII), Михалеви 79 (кон. XII), к Олисьеви 502 (кон. XII), моужеви 531 (XII-XIII), на фоне: къ братоу 605 (XII₁), отрокоу Ст. Р. 7 (XII₁), 509 (кон. XII), паробоку 624 (XII₂), къ братж 296 (XII-XIII) и 53-х примеров для имен собственных, в том числе и тех же, что приведены выше: къ Михалю 69 (XII), ко Грициноу 558 (XII₂), 502 (кон. XII), къ Грьциноу 549 (XII-XIII). Начиная с первой половины XIII века флексия -ови встретилась только два раза: к атцеви 404 (XIII₂), къ Ѡлареви 615 (сер. XIII), и среди несобственно новгородских грамот в Витебской (XIII-XIV): ко Нежилови (ср. къ Нежилу 421 (XII₁), тогда как

имеется 144 примера с употреблением окончания -у в именах собственных и 14 в терминах родства: батку 290 (XIII-XIV), брату 334 (XIV₁), диду 354 (сер. XIV), куму 271 (XIV₂), братану, тѣсту 519 (XIV-XV), отьцу 19 (XV₁) и др. Что касается одушевленных существительных других групп, а также неодушевленных имен и топонимов, то они знают исключительно флексию -у: епоу 247 (XI), къ кѣназю 527 (XI₂), к посадникоу 605 (XI₂), (п)осад(ьни)коу 601 (XII-XIII), деисжсоу 519 (XII-XIII), рабу 203 (XIII₁), п(ло)тьнику Смол. 3 (сер. XIII), наимиту 481 (XIII₂), господинѣ 140 (XIV₁), дворанину 289 (XIV₁), 5 (сер. XIV), ко попу 177 (сер. XIV), 173 (XIV-XV), другу 271 (XIV₂), церенецу 689 (XIV₂), к данику 281 (кон. XIV), бгу 520 (XIV-XV), целовѣку 529 (XIV-XV), к угуману 359 (нач. XV), биричу 578 (XV₁), погостѣ 211 (XIII₂), Киевоу, Смольнску 424 (нач. XII), Пльсковоу 656 (сер. XII), Соуж(ь)далоу 675 (XII₂), Новугороду 248 (кон. XIV) и др. (всего 69 примеров).

Представленный выше материал НГБ интерпретируется однозначно: 1) Склонение основ на -й как особый тип уже не прослеживается начиная с древнейших грамот; 2) Употребление флексий генитива, датива и локатива ед. ч. бывшего й-склонения в именах склонения на -ѣ ограничено для раннего периода только дательным падежом.

Обращение к текстам раннего периода (XII-XIII вв.), имеющим литературный характер (в качестве образца взяты произведения Кирилла Туровского, морфология имени которых описана Л. Капорулиной), позволяет прийти к тому же выводу: 1) склонение на -й как особый тип более не выделяется (ср. Р. ед.: дому, меду / сына, дара и сана; Д. ед.: сыну, дому, чину: сынови; М. ед. в дому, на верху, миру: о мирѣ 2) варианты флексии в Р. и М. ед. склонения на -ѣ отсутствуют. Вопрос о "правомерности выделения в древнерусском языке двух склонений для слов мужского грамматического рода" ставит и М. Шульга (1978).

Имеющиеся обширные сводки по древнерусскому склонению (Соболевский 1907; Шахматов 1915; Дурново 1924) отражают сходную ситуацию: окончание датива -ови получило гораздо более широкое распространение в именах склонения на -ѣ (преимущественно одушевленных), чем окончания -у генитива и локатива, редкие в древнерусский период; к тому же выводу приходят Вайан и другие исследователи старославянского языка (Vaillant 1964, Мирчев 1972). Проследивая

динамику “влияния й-основ”, можно видеть, что в древнерусский период влияния почти нет, в XIV-XV вв. оно незначительно, в XVI в. – влияние очень явное (Unbegaun 1935; Герд и др. 1974, 1977). Чем же объясняется такой временной разрыв между исчезновением склонения на -й (уже в ранних памятниках, старославянских и древнерусских, мы находим только жалкие остатки этого типа склонения, в частности, ни одной полной парадигмы) и “расцветом” его влияния?

Исчезнувший тип склонения на -й оставил в языке “пустые морфы” которые с течением времени должны были либо утратиться, либо получить новую семантическую нагрузку. Последнее произошло с флексией датива -ови. Уже в древних памятниках оно стало маркировать одушевленные существительные.

Так, окончание основ на -й (>ь) дат. пад. -ови (соотв. -еви) перешло в основы на -ѡ только в названиях лиц мужского пола. Так обстоит, например, дело в севернорусских памятниках; в южных древнерусских памятниках окончание -ови также преобладает в названиях лиц; в дальнейшем в украинском языке эта флексия проникает и в другие категории слов... В белорусском языке это окончание в настоящее время употребляется почти исключительно от имен одушевленных. В современном русском языке окончания -ови (и -еви) вовсе исчезли... Но в древнерусских северных памятниках, в новгородских и суздальских летописях, в двинских актах и др. дат. пад. на -ови (-еви) в названиях лиц очень распространен (Якубинский 1953).

Данное явление может быть осмыслено как дивергенция (мужской род → одушевленные + неодушевленные) сопровождающая конвергенцию (й-основы x ѡ-основы → склонение м/ср. р.). Дальнейшая судьба этого окончания была различной в русском и украинском и белорусском языках. В русском языке оно утратилось, так как оппозиция одушевленность: неодушевленность была усилена за счет нейтрализации генитив • аккузатив не только в именах мужского рода одушевленных в единственном числе, но и в именах мужского и женского родов во множественном числе. В украинском эта флексия проникает и в другие категории слов (дубові, сердеві); в юго-западных диалектах она практически вытесняет флексию -у (братови, крайови, пневи, селови, небови). Подобное явление связано во-первых, с меньшей силой нейтрализации генитив • аккузатив во множественном числе

(укр.: бачу воли, вівці, діти, вороги; также блр.: запрыгаць кони, пасвиць валы, даиць каровы) и во-вторых, с тем, что категория одушевленности/неодушевленности перешагивает свои границы, т. е. нейтрализация генитив • аккузатив проникает и в неодушевленные существительные (укр.: одержати листа, розколоти дуба, скласти акта, з'їсти півня, з борозни витягти плуга – рассматривается в современных грамматиках как употребление формы родительного падежа вместо винительного, причем немотивированное). Сравните то же явление в польском: *grać maza* и под. Эти два обстоятельства приводят к тому, что собственно категория одушевленности нуждается в поддержке других формантов (-ові/-еві чаще все же характерна для одушевленных имен).

Относительно распространения флексий -у генитива и локатива в именах *o*-основ представляется возможным говорить не столько о использовании “пустых формантов” склонения на -й, сколько о процессе нейтрализации генитив • датив и датив • локатив в пользу датива. (По существу именно выявлению позиций, в которых происходит эта нейтрализация, а не ее причин посвящены работы предшествующих исследователей). Процессы нейтрализации данных оппозиций связаны в своих первоисточках с утратой двойственного числа и процессом усиления оппозиций номинатив: аккузатив, генитив: локатив и датив: инструменталь, нейтрализованных в нем. Процесс конвергенции множественное число *x* двойственное число усилил вышеназванные оппозиции. Дальнейшее их усиление проходило путем увеличения нейтрализации смежных оппозиций — генитив • аккузатив, генитив • датив, датив • локатив. Нейтрализация оппозиции генитив • аккузатив привела к становлению категории одушевленности (Георгиев 1973). С историей развития этой категории (т. е. нейтрализации генитив • аккузатив) связана и история флексий -у датива и локатива. В русском литературном языке, где нейтрализация генитив • аккузатив прошла и во множественном числе мужского и женского родов не было потребности усиливать нейтрализацию генитив • датив и датив • локатив (как проявление оппозиции одушевленность: неодушевленность), она остановилась, и начались поиски семантического основания существования дублетных форм генитива и локатива на -у (вещественность, “количество”, абстрактность, отглагольность и т. д.), не завершившиеся и в

настоящее время (явление расщепления родительного и предложного падежей - Якобсон 1958), с одной стороны, лексикализация (наречия “сверху”, “внизу”) и ограничение употребления этих флексий, с другой. В русских диалектах процесс нейтрализации генитива • датива (с.-в.-р.: у сестре - к сестре, из школе, без маме) и локатива • датива (ю.-в.-р.: к отцу - об отцу, о сыну, в сундуку, по домах = о домах - к домам) прошел более последовательно. В украинском языке, где нейтрализация генитив • аккузатив во множественном числе не пошла дальше имен мужского рода со значением лица мужского пола, нейтрализация оппозиций (как выражение усиления оппозиции лицо мужского пола: не-лицо мужского пола) генитив • датив и датив • локатив значительно усиливается (для украинского языка количество имен мужского рода, имеющих флексию -у в генитиве значительно выше, чем для русского: успіху, університету, соціалізму, снігопаду). Особенно это справедливо для оппозиции датив : локатив (ср. в сербохорватском, где эта оппозиция практически исчезла) - инженерові/-у : инженерові/-і, краєві/-ю : краю/-ї полю : на полі/по полю, молодому/-ім : молодім. Нейтрализация датив • локатив проникает в украинском языке и во множественное число: формы “по хатах, по селах”, рассматриваемые в исторических грамматиках обычно как локатив с предлогом по, изменившим свою сочетаемость, являются, в действительности, только первой позицией нейтрализации датив • локатив в плюралисе. Кроме того, с точки зрения “влияния основ на -й” невозможно объяснить в украинском проникновение в локатив единственного числа флексии -ові: на робітниківі, на гостейі, на конєві. Аналогичные явления имели место и в истории именного склонения белорусского языка: з боку, з лесу, з цэнтру; мало розуму, много шуму; души, зары, зямлі (генитив = дативу).

В результате проведенного исследования, можно утверждать, что история взаимодействия склонений старых основ на -ѣ и -й представляет собой процесс конвергенции семантически пустых оппозиций вертикального ряда (тип склонения) и использования “пустых морфов” склонения на -й как строевых элементов новых оппозиций (одушевленность: неодушевленность, личность: неличность). Что касается появления дублетных форм в родительном и предложном падежах на -у, то представляется более обоснованным гово-

речь о нейтрализации этих падежей в пользу дательного, чем о наследии старого склонения на -й.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бернштейн С. Б.
1967 К проблеме именных основ в праславянском. — Сборник за филологију и лингвистику, XV, Нови Сад 1969.
- Богородицкий В. А.
1895 Об основных факторах морфологического развития языка. — РФВ 23 (1895) № 2.
1917 Из чтений по сравнительной грамматике ариоевропейских языков. Варшава-Казань 1917. Вып.1-4.
- Бодуэн де Куртенэ А. И.
1963 Избранные труды по языкознанию, Москва 1963, Т.1.
- Борковский В. И., Кузнецов П. С.
1963 Историческая грамматика русского языка. Москва 1963.
- Булаховский Л. А.
1978 Избранные труды в 5 тт. Киев 1978. Т. 3.
- Георгиев В.
1969 Основни проблеми на славянската диахронна морфология. София 1969.
1973 Причините за възникновяването за родително-винителен падеж в славянските езици. — Славистичен сборник, София.
1978 Принципи на славянската диахронна морфология. — Славянска филология. Езикознание XV (1978).
- Герд А. С., Капорулина Л. В., Колесов В. В. и др.
1974 Именное склонение в славянских языках XI-XIV вв. Лингвостатистический анализ по материалам памятников древнеславянской письменности. Ленинград 1974.
1977 Именное склонение в славянских языках XV-XVI вв. Лингвостатистический анализ. Ленинград 1977.
- Дурново Н. Н.
1924 Очерк истории русского языка. Москва-Ленинград 1924.
- Журавлев В. К.
1976 Введение в диахроническую морфологию. — Балканско езикознание XIX (1976), вып. 2, 3.
1991 Диахроническая морфология. Москва 1991.
- Журавлев В. К., Мажюлис В. П.
1978 Из диахронической морфологии славянских и балтийских языков. Вильнюс 1978.

- 1978 Історія української мови. Морфологія. Київ 1978.
- Ильинский Г. А.
1916 Праславянская грамматика. Нежин 1916.
- Капорулина Л. В.
1991 Морфология существительного (в языке произведений Кирилла Туровского). — В кн.: Древнерусский язык домонгольской поры. Ленинград 1991.
- Кузнецов П. С.
1961 Очерки по морфологии праславянского языка. Москва 1961.
- Мареш Ф.
1962 Ранний период морфологического развития славянского склонения. — Вопросы Языкознания (1962) № 2.
- Мейе А.
1938 Общеславянский язык. Москва-Ленинград 1938.
- Мирчев К.
1972 Старобългарски език. София 1972.
- Пауль Г.
1960 Принципы истории языка. Москва 1960.
- Поливанов Е. Д.
1968 Статьи по общему языкознанию. Москва 1968.
- Потебня А. А.
1968 Из записок по русской грамматике. Москва 1968. Т. 3.
- Самійленко С. П.
1964 Нариси з історичної морфології української мови. Ч. 1. Київ 1964.
- Соболевский А. И.
1907 Лекции по истории русского языка. Москва 1907.
- Фортунатов Ф. Ф.
1956 Избранные труды. Москва 1956. Т. 1.
- Шахматов А. А.
1915 Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград 1915.
- 1957 Историческая морфология русского языка. Москва 1957.
- Шульга М. В.
1978 Парадигма типа *медь* в истории древнерусской письменности. — В кн.: Исследования по исторической морфологии русского языка. Москва 1978.
- Якобсон Р. О.
1962 Морфологические наблюдения над славянским склонением. — В кн.: Материалы дискуссии IV Международного съезда славистов, Москва 1962, т. 2.
- 1985 Избранные работы. Москва 1985.

- Якубинский Л. П.
1953 История древнерусского языка. Москва 1953.
- НГБ - Янин В. Л., Зализняк А. А.
1986 Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.). Москва 1986.
1993 Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг.). Москва 1993.
- Baudouin de Courteney J. N.
1974 Kilka wypadków działania analogji w deklinacji polskiej. — *Dzieła Wybrane*. W-Wa 1974, t. 1.
- Brugmann K.
1904 Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. 2. Strassburg 1904.
- Durnovo N.
1922 De la déclinaison en granderussse litteraire moderne. — *Revue des Études Slaves* (1922) 2.
- Jacobson R. O.
1962 *Selected Writings*. The Hague, Mouton 1962, vol. 1.
- Kiparsky V.
1967 *Russische historische Grammatik*. Band II. Die Entwicklung des Formensystems. Heidelberg 1967.
- Kuryłowicz J.
1958 *Ogólne tendencje zmian analogicznych*. Kraków 1958.
- Mareš F. V.
1963 *Vznik a raný vývoj slovanské deklinacé*. — In: *Československé přednášky pro V mezinárodní sjezd slavistu v Sofii, Praha 1963*.
- Meillet A.
1965 *Le slave commun*. Paris. 2e éd. 1965.
- Paul N.
1880 *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Halle 1880.
- Rödel-Kappl C.
1984 *Analogie und Sprachwandel im Vergleich zweier verwandter Sprachen*. München 1984.
- Troubetzkoy N. S.
1937 *Über eine neue Kritik des Phonembegriffes*. — *Archiv für Vergleichende Phonetik* (1937) Bd. 1.
- Unbegaun B.
1935 *La langue russe au XVIe siècle (1500-1550)*. Paris 1935 (1. La flexion des nomes)
- Vaillant A.
1964 *Manuel du vieux slave*. Tome 1. Grammaire. Paris 1964.

